

Современные буржуазные теории общественного развития

Академия наук СССР
Институт научной информац
по общественным наукам

Современные буржуазные теории общественного развития

Ответственный редактор
Я. М. БЕРГЕР

Издательство «Наука»
Москва 1984

В книге критически анализируются взгляды современных буржуазных ученых на характер и перспективы общественного развития, показан глубокий кризис апологетики современного капитализма, нарастание неоконсервативных, иррациональных, антипрогрессистских настроений. Авторы раскрывают эволюцию рассматриваемых концепций, их отношение к современным общественным процессам.

Для научных работников, преподавателей, пропагандистов и всех интересующихся социально-политическими и идеологическими проблемами современности.

Современные буржуазные теории общественного развития

Утверждено к печати Институтом научной информации
по общественным наукам АН СССР

Редактор издательства А. А. Воронин Художник О. В. Камаев
Художественный редактор С. А. Литвак
Технический редактор Н. П. Перверза
Корректор М. В. Борткова

ИБ № 26910

Сдано в набор 12.01.84. Подписано к печати 10.04.84. Т-02367.
Формат 84×108¹/₃₂ Бумага книжно-журнальная Гарнитура обыкновенная
Печать высокая Усл. печ. л. 13,44 Уч.-изд. л. 15,0
Усл. кр.-отт. 13,65 Тираж 4600 экз. Тип. зак. 3610
Цена 1 р. 60 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

Введение

Проблемы и тенденции западных исследований общественного развития

В выполнении поставленной июньским (1983 г.) Пленумом ЦК КПСС задачи «убедительно раскрывать антинародную сущность империализма, его политики и идеологии, неспособность буржуазного общества устранить социальные язвы, национальную и расовую несправедливость»¹ немалая роль принадлежит изучению идейного арсенала буржуазного обществоведения. Такое изучение раскрывает духовный кризис, переживаемый капиталистическим обществом, двояким образом. Прежде всего оно позволяет судить о сдвигах в умонастроениях определенных социальных групп и кругов, о тех проблемах, которые их заботят и волнуют. Вместе с тем в движении различных концепций, в их эволюции, обновлении и вырождении ясно просматриваются некоторые «порочные круги», которые вынуждена совершать мысль теоретиков, стремясь вырваться за социально и исторически поставленные пределы.

Тема социального развития — одна из центральных в буржуазной общественной науке. В большей или меньшей степени ее неизбежно касаются исследователи и идеологи, принадлежащие к самым различным школам и направлениям. Более того, можно сказать, что отношение именно к этой теме служит важным показателем их внутренней ориентации.

Если говорить о современных западных концепциях общественного развития в целом, то при всей их внешней пестроте и несхожести можно все же обнаружить и некоторые единые черты, которые во многом определяются разочаровывающим социальным и духовным опытом последних десятилетий. В первую очередь обращает на себя внимание дефицит генерализующих идей и схем развития, в особенности рассчитывающих на мессианскую, очистительную и преобразующую функцию каких-либо

¹ Актуальные вопросы идеологической, массово-политической работы партии: Постановление Пленума ЦК КПСС. — В кн.: Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 г. М.: Политиздат, 1983, с. 74.

особых социальных и политических сил, наподобие тех маргинальных групп общества, молодежного авангарда или народов неевропейского происхождения, которые еще столь недавно были фаворитами «левых» интеллектуалов, либо же, напротив, «нового» рабочего класса, работников «третичного» и «четвертичного» секторов экономики, «умственной элиты», пользовавшихся пристрастием технократов. Некоторое значение сохраняют глобальные концепции, возлагающие роль главного двигателя человеческого прогресса на спонтанно развивающуюся технику, ныне чаще всего — информационную. Надо, однако, заметить, что, во-первых, кредит таких концепций значительно убавился и что, во-вторых, сами они стали не столь безоговорочно позитивными, как во времена теории «постиндустриального», «технотронного» и тому подобного общества, развивавшихся на фоне циклического восхождения экономики. После того как в середине 70-х годов эти теории постепенно стали сходиться со сцены, на Западе не появилось ни одной достаточно внушительной — хотя бы по масштабу охватываемых явлений и процессов — социальной доктрины. Конечно, масштабность подхода — еще далеко не гарантия создания убедительной и надежной теоретической конструкции: для этого нужно было бы значительно большее — преодоление социально обусловленной методологической и мировоззренческой ограниченности. Тем не менее отсутствие обобщающих теоретических построений позитивного толка само по себе служит свидетельством специфической ущербности нынешней фазы эволюции буржуазной общественной мысли.

Далее, в этих условиях неизбежно открывается дополнительный простор для роста упадочнических, пессимистических, антипрогрессистских настроений. Те же самые «левые» интеллектуалы, которые выступали знаменосцами бунта против господствующих порядков, ныне проповедуют отчаяние и безнадежность. Недавние либералы-технократы перешли в стан неоконсерваторов и с тем же самым рвением, с каким они прокламировали скорые и благотворные перемены на всех уровнях жизни общества — от технологии до политики и семейного уклада, пекутся о возрождении действительных или, чаще, мнимых ценностей прошлого, о возврате к «закону и порядку», о религиозно-нравственном ренессансе. Разочарование в настоящем, неверие в возможность лучшего будущего питают и тягу к обскурантизму, ложной романтике, иррационализму. Разумеется, мрачный по преимуществу

настрой социальных концепций отнюдь не является исключительной прерогативой нашего времени; пессимистическое восприятие общественной перспективы сопутствует оптимистическому на протяжении всей человеческой истории и не раз брало над ним верх, особенно на закатных стадиях существования цивилизаций. В этом смысле нынешнее усиление негативистской тональности в трактовках современного состояния западного общества и шансов на его улучшение представляется вполне закономерным, а предшествующий непродолжительный подъем энтузиазма — зигзагом в преобладающей тенденции.

Отмеченные изменения не могли не сказаться на расстановке сил в современной идеологической борьбе. В недавнем прошлом «левые», охотно апеллировавшие к марксистской, псевдомарксистской и вообще «революционной» фразеологии, весьма отрицательно относились к реальному социализму и упрекали его в тех же самых пороках, которые они усматривали у капитализма: в бюрократизации, этатизме, отчуждении личности и т. п. Либеральные технократы проявляли меньше интереса к марксистской теории, но в соответствии со своими соображениями о детерминирующей роли технологии возлагали большие надежды на постепенную трансформацию социально-политической системы социализма (равно как и капитализма) и конвергенцию противостоящих систем. С отречением «левых» от их былой «революционности», а технократов — от их либерализма действительно произошла конвергенция, но не общественных систем, а идеологов современного капитализма на единой антимарксистской и антисоциалистической основе. Разумеется, далеко не во всякой социальной доктрине идеологические и политические мотивы находятся на поверхности. Буржуазная академическая наука, как правило, склонна развивать свои представления в традициях строгого объективизма. Кроме того, в ее русле работают и субъективно честные ученые, искренне обеспокоенные ситуацией человека в современном капиталистическом обществе и исходящей отсюда угрозой самому существованию человечества. Тем не менее ухудшение общей духовной атмосферы, наблюдаемое сегодня на Западе, не может не сужать границы независимого мышления.

В предлагаемой вниманию читателя монографии не ставится задача систематического рассмотрения различных школ и направлений буржуазной мысли, имеющих касательство к тематике общественного развития. Совер-

шенно очевидно, что для выполнения подобной задачи понадобилось бы издание едва ли не энциклопедического характера. Свою основную цель авторы видят в том, чтобы выделить ряд наиболее существенных проблем, обсуждение которых составляет сердцевину многих, если не большинства работ, принадлежащих перу авторов подчас весьма несходных ориентаций, и проиллюстрировать наиболее типичные подходы к ним, характерные для современности, на материале, относительно менее известном нашему читателю. Одновременно прослеживаются и отмеченные выше тенденции: в первых трех главах речь в основном идет о концепциях, развиваемых в духе буржуазного гуманизма, в трех последующих — явствен нарастающий правый поворот. Диапазон материала, привлекаемого для реализации указанных целей, неодинаков: в одних случаях проблема рассматривается на основе произведений, находящихся в русле какого-либо одного течения общественной мысли (или социальной активности), в других — объектом анализа служит творчество весьма различных по своей общественной и мировоззренческой позиции мыслителей, объединенных, однако, некоторыми сходными установками и (или) методикой, в третьих, наконец, суммируются взгляды одного видного теоретика, отразившего умонастроения немалой части западной научной общественности и оказавшего в свою очередь на нее заметное воздействие.

Проблема сложнейших взаимосвязей и взаимозависимостей между личностью и обществом, складывающихся и изменяющихся в процессе общественного развития, всегда была и остается центральной в социальных исследованиях любой ориентации. Особенно острой и болезненной становится проблема отношений индивида и общества, проблема человека тогда, когда в обществе предельно углубляются противоречия, достигают критической точки функциональные расстройства его жизнедеятельности. Современный империализм, отмечалось на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, «запутался во внутренних и межгосударственных антагонизмах, потрясениях, конфликтах»². Кризисное состояние нынешнего капиталистического общества проявляется, в частности, в том, что, как никогда раньше, это классово-эксплуата-

² Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 г. М.: Политиздат, 1983, с. 24.

торское общество отравляет духовный мир человека, уродует и извращает его личность. «Искажение гуманистической натуры человека — вот в чем главный грех капитала перед человечеством»³.

Извращающее влияние современного антагонистического общества на человека становится той отправной точкой, исходя из которой многие западные ученые строят свои рассуждения о перспективах общественного развития. В тех случаях, когда такие ученые выступают в роли социальных критиков, их описания и интерпретации ситуации человека превращаются в своего рода диагноз недугов буржуазного общества. Понятно, что в силу целого комплекса причин объективного и субъективного характера (в частности, приверженности определенной системе ценностей и соответствующему способу мышления) диагноз этот более интересен и убедителен в своих констатациях, нежели в предписаниях: наивность, утопизм предлагаемых путей выхода из кризисного состояния разительно контрастируют с нередко глубокими критическими проникновениями в суть реальной ситуации.

В настоящей книге антропологическая интерпретация общественного развития рассматривается на примере неофрейдистской концепции известного американского исследователя Эриха Фромма. Идеи основоположника психоанализа З. Фрейда и его различных последователей продолжают оказывать заметное влияние практически на все основные направления современной западной мысли. Некоторым представителям неофрейдизма, у которых реформированный психоанализ приобрел облик социальной критики (а Э. Фромму здесь, бесспорно принадлежит ведущая роль), удалось зафиксировать реальные противоречия буржуазной действительности и впечатляюще обрисовать болезненные коллизии в отношениях между индивидом и обществом.

Концепция личности, разрабатывавшаяся Э. Фроммом, в своих исходных методологических основаниях отлична от марксистской, ставящей преодоление отчуждения личности при капитализме в прямую зависимость от ликвидации частной собственности на средства производства. Вместе с тем позиция Э. Фромма противостоит как экзистенциалистской, так и леворадикальной, с одной сторо-

³ Шахназаров Г. Х. Грядущий миропорядок: о тенденциях и перспективах международных отношений. М.: Политиздат, 1981, с. 233.

ны, более определенно связывая психические недуги личности с пороками господствующей общественной системы и требуя их устранения, а с другой — отвергая бунт как средство освобождения от репрессии человеческих инстинктов.

Констатируя изначальное противоборство между полярными началами человеческой природы — любовью к жизни и притяжением к смерти, бытием и обладанием — и кладя их в основу социального характера, Э. Фромм полагает, что реализация исходных устремлений определяется главным образом общественными условиями. Соответственно человеческая история рассматривается не столько как смена господствующих социально-экономических укладов, сколько как эволюция основных психологических установок и мотиваций. Сдвиги в социальном, экономическом и политическом устройстве общества, по убеждению Фромма, эфемерны, если они не зиждутся на «переменах в сердце». Развертывание социального характера в историческом времени вызвало на ранней стадии капитализма формирование авторитарности и маниакального накопительства, а к настоящему времени — появление «рыночного человека», меняющего свои вкусы, пристрастия, манеры, стиль жизни в зависимости от спроса и предложения, лишенного глубинных эмоциональных импульсов. С этим образом соседствует или даже совпадает образ человека-робота, лишенного подлинной человечности, низведенного до уровня существа, руководствующегося в своем поведении лишь самыми примитивными инстинктами. Ясно, что и общество, составленное из подобных существ — доведись ему некогда достигнуть полного воплощения, перестало бы быть действительно человеческим, ибо исчезли бы скрепы, соединяющие людей: любовь, милосердие, сострадание, солидарность.

Психологизация исследовательского подхода к проблеме отношений между личностью и обществом, демонстрируемая, в частности, работами Э. Фромма, при всей своей очевидной методологической недостаточности, ведущей к недооценке экономического фактора, сведению социального к личному и т. п., имеет и свои сильные моменты, высвечивая проблему с чрезвычайно важной, внутренней, человеческой стороны. Рассматривая в этом аспекте вопрос о целях общественного развития, Фромм дает на него единственно возможный для гуманистически ориентированного ученого ответ: назначением и оправданием прогресса могут быть только свобода и счастье че-

ловека. При всех тех неизбежных и, вероятно, необходимых оговорках, которыми должна сопровождаться оценка содержания указанных целей и особенно путей их реализации, представляется существенным подчеркнуть социальную значимость самой ориентации. Это особенно важно в современных условиях, когда не лишенный обоснований, но оттого не менее разрушительный скепсис все более числит любые помыслы о свободе и счастье человека в земной юдоли по разряду «дьявольских» наваждений, а понятие гуманизма, восходящее к европейскому Ренессансу, становится едва ли не ругательным.

Обескураживающе наивны надежды Фромма синтезировать «гуманистический социализм» из таких несовместимых компонентов, как средневековая религиозно-эсхатологическая традиция и постренессансный дух научного мышления и политической активности, как духовное наследие Мейстера Экхарта и Будды, Карла Маркса и Альберта Швейцера. Однако далеко не столь наивны представления о том, что реализация «гуманистической программы» мыслима лишь при двух неперемennых условиях: ядерном разоружении и ликвидации экономической пропасти между развитыми и развивающимися странами. Да и сами пункты «гуманистической программы» отнюдь не лишены «рационального зерна». Так, хотя в деле формирования «здоровой экономики» Фромм предполагает начать не с перестройки производственных отношений, а с потребления, все же здесь рекомендуется не ограничиваться разработкой и популяризацией образцов и моделей «здорового потребления», но «решительно обуздать право хозяев предприятий определять характер продукции исходя лишь из интересов прибыли и расширения производства»⁴. Предлагается добиваться расширения и неуклонного осуществления антитрестовского законодательства, ввести гарантированный трудовой доход, бороться против бюрократизации управления и т. п. Многие из этих требований составляют реальное содержание программ антимонополистического движения, рабочих партий, профсоюзов.

Разумеется, в главном — в оценке возможностей изменить характер общества начиная с сознания, психологии — Фромм остается утопистом. Впрочем, он и сам это отлично сознавал, полагая, однако, что социальная уто-

⁴ *Fromm E. To have or to be? N. Y. etc.: Harper and Row, 1976, p. 178—179.*

пия может быть реализована так же, как современная техника претворила в жизнь мечты о полетах человека в воздухе и в космическом пространстве, если к этому будут приложены те же умственные силы, энергия и энтузиазм.

Либерально-реформистская утопия — отнюдь не единственный и даже не преобладающий тип современного утопического мышления. Если иметь в виду социально-политическую ориентацию, то не менее, если не более, широко представлены в различных формах нынешнего буржуазного сознания утопии апологетические, консервативные и неоконсервативные, лево- и праворадикальные. Однако самая общая классификация еще не раскрывает всего многообразия существующих сегодня собственно утопических и близких к ним по ряду признаков производений. Западная наука по-разному трактует сам феномен утопического мышления и его функции. В одном варианте это мышление предстает, например, в традициях Хейзинги как одно из самых увлекательных занятий *homo ludens*: «Работа для блага будущих поколений — одна из самых захватывающих игр. Она приносит уважение, славу и радость общения с интересными людьми»⁵. В другом — оно выполняет более позитивные социальные функции: социальной критики (К. Мангейм) или социального прогнозирования (Л. Мэмфорд). В третьем (Рюйер) утопия выступает, напротив, как способ бегства из истории, в этом плане утопист рассматривается как субъект, пребывающий в пограничной ситуации: на пересечении сфер социального действия и психопатологии, как больной, хотя и особого рода, болезнь которого необходима для здоровья социального организма. К данной трактовке тесно примыкает восприятие утопического сознания как одной из форм шизофрении, базирующееся на том, что для этого сознания особенно свойственна антидиалектичность, неприятие категорий целостности и историзма, непонимание органической взаимосвязи хорошего и дурного, стремление их развести и абсолютизировать. Сторонники последней точки зрения подкрепляют ее ссылками на проекты переустройства мира, в изобилии выдвигаемые пациентами психиатрических клиник. В этих проектах наличествуют компоненты, традиционно присущие утопиям или антиутопиям: технократическое

⁵ *Erasmus Ch. In search of the common good: utopian experiments past and future.* N. Y.: Free press, 1977, p. 335.

управление, регламентация всех видов человеческой деятельности, и в особенности сексуальных отношений, система концентрационных лагерей как «рассадников мудрости» и т. п.⁶

Указанные характеристики адресуются обычно ко всему спектру утопического мышления, но проявляются они, без сомнения, в каждом конкретном случае неоднозначно и могут потому быть использованы в качестве дополнительного признака для классификации. Вполне мыслимы и иные уточняющие критерии. Так, для сочинений, претендующих на научность, существенное значение имеет приверженность к той или иной естественной или общественной дисциплине (биологии, социологии, психологии, антропологии и т. д.), школе, а для тех, которые таких претензий не питают, важно их место в других формах общественного сознания — религии или искусстве.

При всем этом главным и определяющим остается отношение к окружающей действительности. Живописание будущего вдохновляется не только извечной тягой человека к гармонии — социальной и эстетической, но и сложнейшими переживаниями, связанными с прошлым и настоящим, со страхами и фобиями, с надеждами и упованиями, толкающими подчас к крайностям. Необходимой предпосылкой эсхатологического пафоса утопии является трагическое восприятие настоящего. Перед лицом всевозрастающей пагубности неконтролируемых, стихийных процессов — экономических, демографических, экологических, этических и т. п. — возникает искушение решений тотальных, окончательных и, поскольку речь идет об утопических проекциях будущего, безответственных, а также подчас субъективно неожиданных. При таких проекциях, представляющих весьма сложную реконструкцию объективной реальности, происходит высвечивание тех уголков сознания утописта, которые в иной ситуации могли бы оставаться в тени, обнаруживается изнаночная сторона исповедуемых им нравственных ценностей и норм. Так, на проверку творцами наиболее жестких схем социального контроля над поведением человека в общественной и частной жизни оказываются не только мыслители с четко выраженными авторитарными установками в отношении современности, но и нередко в повседневности вполне

⁶ *Gabel I. Utopie et psychopathologie.* — In: *Gabel I. Ideologies.* P., 1974, p. 302—312.

добропорядочные либералы. В последнем случае четко выявляется двойственность моральных оценок: одна мерка применяется к тому, что рядом, близко — во временном и пространственном отношении, другая — к удаленному времени и пространству.

Утопист, как правило, занимает предельные позиции в отношении всех дихотомий современности: умеренностью трудно поразить воображение людей. Так, преимущественно негативная оценка научно-технического прогресса ведет к предложениям о его полном пресечении, а преимущественно позитивная — связывает с техникой будущего надежды на излечение общества от всех его болезней, в том числе от одного из тяжелейших недугов века — атомизации бытия, распада межчеловеческого общения. Для разрешения конфликтов между обществом и человеком одни призывают все усилия обратить на преобразование общества, другие — на трансформацию природы человека, освобождение его от дурных страстей, пороков, агрессивности. Глубокий раскол в стане утопистов вызывает проблема выбора между ориентацией на социальное равенство и установкой на вознаграждение личных достоинств и заслуг, без которых немислимо никакое развитие.

Не менее серьезным пробным камнем оказывается отношение утопии к разуму, рациональности, с одной стороны, и к миру страстей, чувств человека — с другой. Буржуазные идеологи нередко изображают утопию (а заодно и революцию) как плод чистых эмоций, тогда как разуму отводится исключительно роль умеренного и осторожного советчика: «Всегда существовали глубокие и несомненно неодолимые источники с незапамятных времен ведущейся борьбы между Страстью и Рассудком, между человеком-дионисийским экстремистом, с одной стороны, и разумным, рассудочным существом — с другой. Сердце зовет его к утопическим мечтам и революционным исканиям, а мысль учит его осторожности, осмотрительности и поступкам, избегающим соблазнительных упрощений»⁷. Вряд ли можно оспорить, что утопию в немалой степени питают чувства и что к ним она в значительной мере обращена: отсюда ее обычно яркая образность, эмоциональная насыщенность. Еще в конце XIX в. утопия в лице Уильяма Морриса выступила про-

⁷ *Lasky M. Y. Utopia and revolution.* Chicago; London: Univ. Chicago press, 1976, p. XIII.

тив примата разума, живописуя счастливое, беззаботное общество, полностью освободившееся от власти науки, философии, просвещения и сложных видов искусств. Наш век породил к тому же ряд утопий, апеллирующих не просто к чувствам, но к чувственности, требующих «сексуальной эмансипации» в качестве гаранта социального освобождения (В. Рейх, Н. Браун, Г. Маркузе, современные феминистки). И все же утверждение о преимущественно чувственной природе утопии представляется неверным. Утопия и рациональность отнюдь не являются абсолютными антагонистами. Утопия вполне способна быть рациональной, а дух рационализации в своем крайнем выражении сам обращается в утопию: организационную, технократическую, машинную. Предельная рациональность, как и предельная утопия, парадоксальным образом соединяется в своей враждебности к демократии, представляющейся им либо тупой, неэффективной, расхлябанной охлократией, либо, напротив, синонимом манипулируемого общества. Абсолютно неправомерны и попытки поставить знак равенства между утопическим менталитетом и революционностью. В определенном смысле можно даже сказать, что утопия находится в обратном отношении к революции: чем более тщательно разработан утопический проект, тем менее он революционен.

Утопия по самому своему определению несбыточна. Раздвоенное сознание утописта отказывается, однако, смириться с этой вербально признаваемой истиной, ибо такой акт был бы для него равносителен смирению с неизбежностью физической смерти. Отсюда явная или скрытая надежда на животворящую способность утопии, если не сейчас, то в будущем. Именно такая неумирающая надежда запечатлена Германом Гессе в измышленном им латинском эпиграфе к своей собственной утопии: «...ничто так действительно не требует передачи на суд людей, как некоторые вещи, существование которых недоказуемо, да и маловероятно, но которые именно благодаря тому, что люди благоговейные и совестливые видят их как бы существующими, хотя бы на один шаг приближаются к бытию своему, к самой возможности рождения своего»⁸.

Еще не столь давно в буржуазной науке преобладала идущая от К. Мангейма установка на разведение утопии и идеологии. Ныне утопии все более присваивают роль

⁸ Гессе Г. Игра в бисер.— М.: Худ. лит., 1969, с. 33.

заместительницы идеологии. Такой оборот связан в первую очередь с крушением веры в прогресс, составлявшей некогда одну из основных идейных ценностей буржуазного общества. Собственно говоря, подтачивание этой веры началось еще на исходном рубеже прошлого века, когда под огнем романтической и консервативной критики оказались горькие плоды индустриального развития и соответственно просветительская убежденность в непогрешимой правоте Разума и Науки — мировоззренческая основа индустриализма. Свой вклад в развенчание прогрессизма в конце XIX и в первой половине XX в. внесли буржуазная философия (Ф. Ницше, Г. Зиммель, О. Шпенглер, экзистенциалисты) и социология (М. Вебер, Ф. Тённис, Э. Дюркгейм), психоанализ и антиутопия.

В наши дни дополнительными стимулами «разочарования в прогрессе» стали фашизм и вторая мировая война, угроза ядерного уничтожения человечества и загрязнение окружающей среды, растущее истощение природных ресурсов и глубочайшие диспропорции мирового социально-экономического развития. Вместе с тем негативное отношение к науке и технике стало своего рода интеллектуальной модой. На научно-технический прогресс возлагается ответственность за усугубление многих пагубных тенденций в общественной жизни: растущее влияние технократии и бюрократии, опасное расширение возможностей тотального контроля над личностью и обществом с помощью самых совершенных технических и иных средств, стремительное распространение моделей избыточного потребления и т. п. Но, пожалуй, самым значительным, хотя, быть может, и не всегда четко выраженным мотивом недовольства служит то обстоятельство, что наука не оправдывает субъективных надежд на безотлагательное, универсальное и окончательное постижение и устройство мира, надежд, которые возбуждались ее особым престижем и статусом или даже излишне оптимистическими высказываниями отдельных ученых, своеобразной мифологизацией, но за которые наука как институт в целом ответственности нести не может. В этой своей ипостаси знание привлекается как ответчик по делу об оставшихся втуне (или никогда не существовавших) обетованиях истории теми, кто покоя века тщится найти пути однозначного и бесповоротного разрешения всех проблем, стоящих перед человечеством, и, не обрета таковых, бросается в противоположную крайность — в убежище иррационализма, пессимизма и скепсиса. Характеризуя

подобную тенденцию, Томас Манн отмечал: «Есть в современной европейской литературе какая-то злость на развитие человеческого мозга, которая всегда казалась мне не чем иным, как снобистской и пошлой формой самоотрицания... С модой „на иррациональное“ часто связана готовность принести в жертву и по-мошеннически отшвырнуть достижения и принципы, которые делают не только европейца европейцем, но и человека человеком»⁹.

Генеалогия противников прогресса, как уже упоминалось, весьма сложна, но все же в основе ее два главных корня: религия и романтизм. Роль каждого из них не оставалась неизменной. Первый, первоначально более мощный религиозный корень со временем — по мере уменьшения влияния религии и, главное, по мере ее модернизации, приспособления к современности — постепенно уступал питательные функции второму — романтическому.

У истоков романтического отрицания прогресса и науки как формы мышления и социального института стояли поэтическое разочарование в идеалах Великой французской революции (С. Кольридж и В. Вордсворт), критика капитализма в сочетании с идеализацией средневековья и культом героев (Т. Карлейль) и та же критика с позиций индивидуалистической утопии (Р. Эмерсон). Можно сказать, что все главные компоненты этой традиции (с той лишь разницей, что французскую революцию дополняет или замещает реальный социализм) сохранились и поныне. Правда, сочетаются они по-разному, создавая романтический антипрогрессизм и антисциентизм различного толка: «левого» и правого, радикального или консервативного.

Леворадикальный антипрогрессистский романтизм больше всего свойствен некоторым бывшим активистам и теоретикам левацких политических движений конца 60-х годов, испытавшим крушение своих иллюзий и оттого ставшим пессимистами и едва ли не агностиками, но сохранившим при этом былую радикальность суждений, — судьба отнюдь не единичная в истории общественной мысли. Весьма показательна в этом отношении трансформация взглядов группы французских «новых философов». Для Андре Глюксмана, одного из лидеров этой группы, сегодня, как и в дни парижского мая 1968 г.,

⁹ Манн Т. Письма. М.: Наука, 1975, с. 62.

врагом номер один остается тоталитарное государство, однако сейчас главным объектом нападок служат знание, рационализм, классическая философия, представляющиеся источником и основанием господства. «Господствовать — значит уметь господствовать... Вооруженная наукой решительная борьба до конца за власть распространила повсюду свои метастазы», — заявляет А. Глюксман¹⁰. Начав с обличения немецкой философской традиции, он постепенно умножил число своих противников, усматривая гносеологические корни этатизма также в политической теории Жана Бодена, «европлатонической» метафизике — от Аристотеля до Лейбница и аналитической геометрии Декарта¹¹. Другой «новый философ» Бернар-Анри Леви, будучи полностью солидарным с Глюксманом в своем отвращении к вечной, неуничтожимой власти, рассматриваемой как первоисточник всех институтов и норм человеческого общежития, призывает интеллигенцию занять позиции антипрогрессизма и антимарксизма, отказаться от веры в историю, от политической активности, уйти в себя, в собственное творчество — в этом суть его идеи «исторического пессимизма».

Особенностью современного антипрогрессизма является наличие и распространение религиозно-романтических, точнее — мистико-романтических форм. Характерным примером здесь могут служить идеи контркультуры, развиваемые профессором истории Калифорнийского университета Теодором Роззак. Направляя острие своей критики против унаследованного от просветителей секуляризованного мифа о прогрессе и современной науки как его источника и опоры, Роззак апеллирует к поэтам-романтикам, обладавшим, с его точки зрения, многомерным видением мира в отличие от «одномерного» научного. Подобно «новым философам», он усматривает прямую связь между подавляющей человека наукой и деспотической властью, но в отличие от них он воодушевлен революционизирующей ролью поднимающегося мистицизма, сулящей, по его убеждению, воплощение в жизнь «новой утопии», Апокастасиса — Великого Возрождения, «отречение от безумной онтологии нашей культуры»¹². Эта

¹⁰ Glucksmann A. Les maitres — penseurs. P.: Grasset, 1977, p. 149.

¹¹ См.: Glucksmann A. Cynisme et passion. P.: Grasset, 1981, 383 p.

¹² Roszak Th. Where the wasteland ends. Politics and transcendence in postindustrial society. Garden City (N. Y.): Anchor press — Doubleday, 1972, p. 458.